

С оригинальным текстом обзора на английском языке можно ознакомиться, пройдя по ссылке:
<http://freepolicybriefs.org/2012/06/07/buyer-power-as-a-tool-for-eu-energy-security/>

Рыночная власть покупателя как инструмент энергетической безопасности ЕС

7 июня 2012 года

Авторы: Chloé Le Coq и Elena Paltseva, SITE.

В данном аналитическом обзоре мы рассматриваем недавно возрожденную идею единой энергетической политики ЕС. Суть этой идеи – в том, чтобы при решении вопросов энергетической безопасности ЕС действовал как единое целое. Мы сосредоточились на конкретном механизме единой политики – на существенной рыночной власти ЕС как покупателя на рынке природного газа. Вначале мы попробуем соотнести механизм рыночной власти покупателя с существующими особенностями энергетического рынка ЕС. Затем мы обсудим взаимозаменяемость этого механизма и альтернативных инструментов энергетической безопасности, которыми располагает ЕС. В частности, мы считаем, что главные инструменты энергетической безопасности – диверсификация источников газовых поставок и либерализация внутреннего газового рынка – способны стать противовесом рыночной власти покупателя – либо уменьшая рычаг воздействия на поставщика(-ов) газа, либо подрывая координацию единой политики. Таким образом, одновременное осуществление инвестиций в диверсификацию поставок с либерализацией рынка газа и координацию энергетической политики может быть неэффективной и затратной. При обсуждении энергетической политики ЕС нередко упускается из виду необходимость выбора компромиссного сочетания её элементов.

Энергетическая безопасность является частью европейской политической повестки дня уже более полувека – по крайней мере, с момента создания *Европейского объединения угля и стали* (ЕССС) в 1952 году. Однако взгляды *Объединения* на политику в сфере энергетической безопасности (и необходимые для её проведения инструменты) менялись с течением времени. В первые десятилетия европейской интеграции вопросы энергетической безопасности в основном считались относящимися к сфере национальной компетенции. По причине существенного расхождения между «энергетическими портфелями» и потребностями в энергии государств-членов ЕССС попытки создания единой энергетической политики оказались в значительной степени неудачными. Первый успешный шаг к единой энергетической политике был сделан в середине 1980-х годов, когда возникла идея создания общего внутреннего энергетического рынка. Упор был сделан на либерализацию, приватизацию и интеграцию внутренних рынков с целью достижения более конкурентоспособных цен, улучшения инфраструктуры, а также содействия сотрудничеству в случае нарушений энергоснабжения. В частности, внутренний рынок рассматривался как инструмент, позволявший (частично) преодолеть диспропорции в степени энергетического риска среди государств-членов ЕССС. В этом направлении были приложены значительные усилия и достигнуты определенные успехи.

Во второй половине 2000-х годов произошел целый ряд «газовых кризисов» во взаимоотношениях между Россией, одним из крупнейших поставщиков газа в ЕС, и странами-транзитёрами Украиной (2006, 2007, 2009 годы) и Беларусью (2004, 2010 годы). Эти кризисы не раз вызывали сокращение, а иногда и полную остановку поставок российского газа в ЕС. В итоге центр энергетической политики ЕС сместился в сторону выработки мер по обеспечению безопасности поставок энергии из внешних источников. В ходе политических дебатов подчеркивалась зависимость ЕС от крупных поставщиков топлива, таких как Россия (в случае с газом), и необходимость снизить эту зависимость.

Среди предлагаемых способов были: диверсификация источников газа (в частности, меры по сокращению доли российского природного газа – например, такие как строительство газопровода *Nabucco* или введения в строй новых терминалов по приему СПГ), укрепление внутреннего рынка и более эффективное использование энергии. Дебаты усилились в связи со строительством (и пуском в конце 2011 года) газопровода *Nord Stream*, который, согласно распространенному мнению, будет способствовать дальнейшему росту зависимости ЕС от России.

Далее мы обращаемся к этим дебатам по вопросам внешней энергетической политики. Мы полагаем, что сама по себе энергетическая зависимость не обязательно опасна для ЕС, и ей можно противостоять, наладив должную координацию между государствами-членами ЕС. Кроме того, мы считаем, что в политике «противостояния» крупным поставщикам газа есть аспект взаимозаменяемости между координацией усилий и другими предлагаемыми мерами энергетической политики, такими как диверсификация маршрутов энергетических поставок и дальнейшая либерализация рынка. Таким образом, выигрыш ЕС был бы больше при тщательном выборе оптимального набора инструментов энергетической политики, а не при их одновременной реализации.

Зависимость ЕС от российского природного газа действительно велика. Доля российского газа в суммарном газовом потреблении ЕС составляет около 20% [1], а для группы государств-членов ЕС, импортирующих газ из России, эта доля составляет около трети [1]. Кроме того, в ряде государств-членов ЕС, таких как Австрия, Болгария, Эстония, Финляндия, Литва и Словакия, доля российского газа в общем потреблении превышает 80% [3].

Тем не менее, важно помнить, что эта зависимость является взаимной. В настоящее время доля экспорта газа в страны ЕС в общем газовом экспорте России составляет около 55% [1], и экспорт газа обеспечивает около одной пятой доходов федерального бюджета России [7]. А это означает, что ЕС в целом также обладает существенной рыночной мощью в торговле газом между Россией и ЕС, и что эта мощь может быть использована для достижения определенных уступок.

Говоря точнее, эту ситуацию можно рассматривать сквозь призму того, что в экономической литературе называется рыночной властью покупателя. *Inderst and Shaffer* (2008) определяют рыночную власть покупателей как «способность покупателей (фирм-потребителей продукции) добиться от продавцов (фирм-поставщиков продукции) выгодных для себя условий торговли [5]. Концепция «силы покупателя» обычно используется в контексте вертикальных торговых отношений между немногими крупными продавцами и несколькими крупными покупателями. Поскольку в этом случае имеется лишь несколько игроков, каждый из которых обладает значительной рыночной властью, результат такой торговли, как правило, определяется не с помощью рыночных механизмов, а через некую процедуру переговоров. В этих переговорах рыночная власть покупателя зависит от сторонних возможностей продавца, или, говоря иначе, от того, насколько легко продавец может справиться с потерей значительной части своего рынка.

Рассмотрим пример, где один продавец обслуживает нескольких покупателей. Интуитивно можно предположить, что в случае разногласий между продавцом и мелким покупателем продавцу не составит труда перераспределить высвобождаемый товарный объем между остальными покупателями, что заставит каждого из них потреблять чуть больше продукции. Однако чем больше высвобождаемый у продавца объем товаров в случае разногласий, тем труднее для него переориентировать эти товары на оставшуюся часть рынка. Более того, распределение такой, сравнительно крупной, массы товаров среди оставшихся покупателей,

скорее всего, приведет к подавлению цен и сокращению монопольной прибыли продавца. *Inderst and Wey* (2007) показывают, что – при относительно обычных условиях моделирования – «...потери поставщика из-за торговых разногласий вырастают более чем пропорционально величине (фирмы-)покупателя» [6]. Иными словами, чем крупнее покупатель, тем меньше у продавца вариантов стороннего выбора, и тем слабее его позиция на переговорах с покупателем, что позволяет последнему добиваться для себя льготных условий.

Сравнительно легко увидеть параллели между этой аргументацией и отношениями в сфере торговли газом между Россией и ЕС. В некотором смысле, теория рыночной власти покупателя составляет экономическую логику предложения Европейской Комиссии (принято в сентябре 2011 г.) координировать внешнюю политику в энергетической сфере для «использования совокупного влияния ЕС во внешнеэкономических отношениях в области торговли энергоресурсами» [2)]. В то же время механизм *рыночной власти крупного покупателя* позволяет нам яснее увидеть, почему такая политика координации может вступать в конфликт с прочими предлагаемыми инструментами энергетической политики.

Рассмотрим, в частности, вопрос о диверсификации поставок газа путем расширения круга его поставщиков. Аргументом в пользу такой диверсификации является то, что она снижает зависимость [потребителей] от каждого конкретного поставщика, уменьшая тем самым силу воздействия [на них] специфических рисков, грозящих этим поставщикам. Однако снижение объемов покупки газа у таких поставщиков означает потерю рыночной власти ЕС как покупателя против рыночной власти поставщиков. Это ухудшило бы условия соответствующих торговых сделок по газу или подорвало бы стабильность поставок. Разумеется, этот аргумент отнюдь не предполагает, что стратегия диверсификации бесполезна или вредна для энергетической безопасности ЕС, однако при принятии решений о диверсификации необходимо учитывать относительную значимость выбора между снижением своей зависимости и снижением рыночной власти покупателя. Иными словами, ЕС может достичь того же уровня стабильности газовых поставок за счет инвестиций либо в дальнейшую диверсификацию поставок газа, либо в более эффективную координацию действий стран-членов. Попытка одновременно достичь обеих целей способна привести к потере эффективности, по крайней мере, с точки зрения обеспечения безопасности газовых поставок. Важно отметить, что в ходе обсуждения энергетической политики ЕС этот вопрос [о выборе цели] в значительной степени игнорируется.

Другой целью энергетической политики, проводимой ЕС в последние десятилетия, является создание единого дерегулированного внутреннего рынка газа. Зависимость между этой целью энергетической политики и рыночной властью покупателя, опять же, является двусторонней. С одной стороны, более тесная интеграция внутреннего газового рынка могло бы способствовать выравниванию различий в степени уязвимости государств-членов при нарушениях поставок газа, укрепляя тем самым сотрудничество и ослабляя напряженность в отношениях между интересами энергетической безопасности на национальном [страновом] и на общественном [в рамках всего ЕС] уровнях. С другой стороны, либерализация газового рынка и переход к конкурентным условиям торговли газом внутри ЕС может вступить в конфликт с наднациональной координацией рыночной власти покупателя. Если крупные государственные покупатели покинут газовый рынок и им на смену придут многочисленные частные, не обязательно отечественные, но, возможно, мелкие участники рынка, то добиваться координации усилий на переговорах с поставщиками может оказаться гораздо сложнее, если вообще возможно. По мнению *Finon and Locatelli* (2007), «если во имя идеи повышения конкуренции в краткосрочной перспективе основные покупатели газа будут разукрупнены, то их переговорные позиции и финансовые возможности по ведению крупных импортных операций ослабнут» [4]. Кроме того, между принципами координации действий

покупателей газа и усиления конкурентоспособности европейского газового рынка имеется явное концептуальное противоречие. Опять же, при выборе модели единой энергетической политики это противоречие необходимо принимать во внимание.

Наконец, важно отметить, что аргумент «крупного покупателя» менее значим для рынка ЕС применительно к другим видам топлива, таким как нефть, сжиженный природный газ или уголь. Основное различие объясняется внутренней структурой рынка газа, по сравнению с рынками нефти, угля и т. д. Действительно, ЕС импортирует большую часть своего газа по трубопроводам, что для обеих сторон сделки затрудняет переключение на альтернативного партнера. Другими словами, обслуживающий ЕС рынок природного газа – это, по существу, локальный рынок. В отличие от газа, такие виды топлива, как нефть, СПГ и уголь, торгуются в глобальном масштабе, и в большей мере взаимозаменяемы (т.е. гораздо проще найти их альтернативного поставщика или потребителя). Глобальные рынки предполагают меньшую долю рынка для ЕС (и действительно, ЕС потребляет лишь около 16% нефти) [1]. Всё вышеперечисленное, в сочетании с лучшей взаимозаменяемостью нефти, СПГ и проч., подрывает для других видов топлива силу аргументации довода о «силе крупного покупателя».

Таким образом, ЕС располагает заметным потенциалом для улучшения своих позиций при заключении газовых сделок и укрепления стабильности поставок газа. Этот потенциал определяется значительной рыночной властью ЕС как покупателя на газовом рынке и отвечает долго обсуждавшейся и недавно возрожденной идее «единого голоса» при ведении общей энергетической политики. В то же время эффективность использования рыночной власти покупателя в качестве инструмента энергетической политики может быть ограничена другими инструментами этой политики, такими как диверсификация поставок газа, переход на СПГ и альтернативные виды топлива, либерализация внутреннего рынка.

Литература:

- BP, 2011, Statistical review of the world energy.
- European Commission, September 2011, Speaking with one voice – the key to securing our energy interests abroad, press release.
- Eurostat.
- Finon D., Locatelli, C., 2007. Russian and European gas interdependence. Can market forces balance out geopolitics?, LEPII – EPE working paper #41.
- Inderst, R., Shaffer, G., 2008. The Role of Buyer Power in Merger Control, chapter prepared for the ABA Antitrust Section Handbook, Issues in Competition Law.
- Inderst, R., Wey, C., 2007, Buyer Power and Supplier Incentives, European Economic Review, 51, pp. 647–667.
- Расчеты в работе проведены на основании данных РосБизнесКонсалтинг от 06.02.2012 и федерального закона № 357-ФЗ «О федеральном бюджете на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годов».